

Элементы фабулы и элементы сюжета

В рассказе И. Мазурук основные элементы фабулы и сюжета совпадали: завязка, кульминация и развязка фабулы и сюжета сходились в одних точках художественной ткани, хотя пути их движения не совпадали: на прямую и скупую линию событийного костяка — фабулы — ложились сложные, разветвленные, богатые сюжетные ходы.

Но возможен другой композиционный вариант — несовпадение элементов фабульных и сюжетных, когда завязка, кульминация и развязка произведения в плане фабулы и в плане сюжета приходится на разные точки его. Это не такое уж редкое явление. Возьмем для примера повесть В. Тендрякова «Чрезвычайное».

В критике многократно отмечались особенности конфликта в произведениях В. Тендрякова. И. Соловьева отмечает умение автора найти неожиданную неполадку, случайность, которая открывает неверную налаженность общего хода дел¹; Е. Старикова указывает на свежие и острые ситуации, в которых обнажено и резко выявляются общественные потребности момента и вызванные ими сложные психологические процессы²; А. Шишкина говорит о крутом повороте в судьбе героев, который писатель избирает для того, чтобы открыть путь к проникновению в скрытые глубины жизни³.

Все это ощущается в повести «Чрезвычайное» с особенной силой. Может даже показаться, что в этой повести конфликт слишком заострен, завязка слишком внезапна, что слишком резко и неожиданно происходит переворот в душе главного героя — директора школы Анатолия Матвеевича Махотина.

Но стремительность действия, ступенчатое развитие сюжета (с каждой ступенью усиливается напряженность, драматизм) объясняется именно чрезвычайностью происшествия. ЧП — стало быть, обычные нормы развития противоречий неприемлемы, невозможны, стало быть, движение принимает необычные, бурные, усложненные формы. И еще одно обстоятельство важно: чрезвычайное происшествие возникает внезапно, как гром с ясного неба.

Писатель нарочито подчеркивает то состояние удовлетворенности, равновесия, покоя, которое очень скоро взорвется завязкой сюжета.

¹ См. Соловьева И. Проблемы и проза. — «Новый мир», 1962, № 7, с. 235.

² См. Старикова Е. Исповедь обыкновенного человека. — В кн.: Старикова Е. Поэзия прозы. М., «Советский писатель», 1962, с. 114.

³ См. Шишкина А. На больших дорогах и обочинах. — «Нева», 1962, № 8, с. 163.

«Шел один из покойных периодов моей жизни. Работа, которой я отдавал все силы, казалось, была идеально налажена, люди, которыми я руководил, любили меня (и не совру — искренне), даже большое сердце — мой давнишний враг — не особенно беспокоило...

Шел один из покойных периодов моей жизни. Неожиданный случай оборвал его»¹.

Обнаружилось, что десятиклассница, комсомолка Тося Лубкова верует в бога. Это завязка фабулы.

И сразу же возникают глубокие, сложные вопросы.

Тося, «неприметная из неприметных, самая робкая, самая тихая» из учениц, способна на бунт, на решительные поступки, и ее можно понять: она и в школе, и дома чувствует себя одинокой, никому не нужной. Гордость школы, одаренный математик Саша Коротков, одноклассник Тоси, способен прочесть чужой дневник и предложить другим вслух читать его. Комсомольцы собираются, даже не поговорив с Тосей, исключить ее, равнодушны и жестоки к ней, бросающей школу. И сорок лет проработавший педагог вдруг ощущает свою беспомощность: как же он руководил школой, гордился своей работой, если тысячи воспитанных им учеников душевно черствы, нечутки? Значит, не так воспитывали, не всему тому, чему надо, учили? Давали знания, знания и знания — учение Дарвина и деятельность Петра Первого, квадратные корни и деэпричастные обороты, а не учили понимать другого человека, найти с ним общий язык?

Так завязывается сюжет: пересмотр всей жизни, всего опыта работы, переоценка смысла своего труда.

Жизнь — вечная борьба, и в этой борьбе не может быть успокоения, остановки, — так чувствует Анатолий Матвеевич. Не случайно его любимая картина — «Над вечным покоем» Левитана. Репродукция с этой картины висит у него дома: «Смерть и жизнь рядом, неподвижность и бунтарское движение — вот он, мир, где мы живем, вот он, покой, единственно нерушимый»².

Для Махотина нет абсолютного покоя, нет равновесия, каждый день встают новые задачи, новые загадки. Но беда в том, что не перед всеми они встают! Идет старый учитель от дома Тоси Лубковой — и пусты улицы, устоялся покой сугробов. «Мечется ветер от одной бревенчатой избы к другой, разбивается о них, не может потревожить покой жителей...»

¹ Тендряков В. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. М., Гослитиздат, 1963, с. 519, 521.

² Правда, та же репродукция висит и в комнате Тоси; но в мире Лубковых эта картина (как и все в этом мире) воспринимается совсем иначе — упрощенно, плоско: покой — неподвижность, и только.

Сумеет ли Анатолий Матвеевич внушить другим свое беспокойство? Пахнёт ли в школе свежим ветром? Вот по какой линии будет двигаться сюжет.

Первое сражение кончается победой. Позиции комсомольцев: «Не жалеть! Оттолкнуть! Выбросить!» — Анатолий Матвеевич противопоставляет свою точку зрения: убедить, перевоспитать. Комсомольцы пошли за директором, и он уже поверил, что бороться и жить будет легко. «Если за каких-нибудь четверть часа я заставил тридцать с лишним человек по-иному думать, то, скажем, за пять лет можно своротить горы. А пять-то лет я еще вытяну...»

И с Тосей разговор получился у директора. Он убедил ее вернуться в класс, заронил в ее душу какие-то сомнения. Разговор этот для Тоси так непривычен, что ей даже слышится какое-то сходство между речами Анатолия Матвеевича и евангельскими проповедями: «Что же, пусть выслушает теперь свою тетку, пусть сравнит мои речи с ее речами, пусть после этого задумается. Главное, чтоб задумалась, чтоб не верила на слово...»

Избранный путь правилен, мысль Тоси пробуждена. Символично звучит описание ветерка, повеявшего в этот момент, хотя речь идет просто о первом весеннем ветре.

И тут нарастает новый конфликт: на дороге Махотина — и в прямом, и в переносном смысле — появляется отец Тоси — Лубков. С первых слов сталкиваются два взгляда на жизнь, два разных метода воспитания. «Как у вашей дочери изменить мировоззрение?» — рассуждает Махотин. А для Лубкова — все ясно и просто: «Не теряя времени, не ковыряясь в каких-то там душевных петельках, пресечь — решительно и бесповоротно!»

До сих пор конфликт развертывался в области моральной, теперь он перерастает в сферу политическую. Многозначителен даже внешний облик Лубкова: «невысок, коренаст, мрачен», «с твердой тульей картуз», «перехваченная широким ремнем гимнастерка», «узенькие хромовые сапожки»... «Эх, эти районного масштаба Александры Македонские, направо и налево рубящие гордые узлы», — оценивает его Махотин.

Характерно, что никогда до сих пор не сталкивались Махотин и Лубков. Спор между ними должен возникнуть только теперь, когда у директора появляются новые, свежие идеи о создании в школе атмосферы споров, дискуссий, которая заставит учеников сообща думать и искать. И закономерно продолжение этого спора в кабинете секретаря райкома Ващенко, закономерно, что именно в этом кабинете прозвучало брошенное Лубкову обвинение: «Хотите угрозами заставить думать иначе? Не получится. Угрозами можно запугать человека, он сделает вид, что думает, как вам угодно. Сделает вид, не больше того».

Сюжет развивается — в школе организуется диспут «физиков» и «лириков», кипят споры. Даже Тося Лубкова приняла в них участие.

Но движется и фабула.

С первых эпизодов повести нам стал знаком учитель математики, классный руководитель десятого класса Евгений Иванович Морщихин. Знаком — но непонятен. В этом человеке есть что-то странное: ускользающий взгляд, замкнутость. Он одинок среди учителей; «личинка в ячейке», — думает о нем Анатолий Матвеевич. И вдруг — взрыв: Морщихин оказывается верующим, и раскрыл это самолично Лубков, а Махотин, выходит, десять лет пригревал мракобеса. Это кульминация фабулы.

Что делать с Морщихиным? Уволить его из школы, снять с работы, когда ему осталось до пенсии два года? Делать из него «невинного страдальца»? Или бороться с его взглядами в открытую, в стенах школы, воспитывая из ребят вдумчивых и тактичных атеистов? Анатолий Матвеевич хочет попробовать второй путь и пытается доказать справедливость этого пути.

Собирается бюро райкома партии с активом — цвет района, его руководители, и при этом простые труженики, плоть от плоти народа: «Обдутые ветром, продубленные морозом лица... На всех лицах общее — какая-то деловитая, независимая сосредоточенность». И сражение Махотин—Лубков происходит в этой аудитории. Доводы Лубкова привычны и просты: его дочь оказалась верующей, потому что классный руководитель — верующий, надо просто, без затей, вести антирелигиозную пропаганду, принимать решительные меры, медлить преступно, Махотин привык думать книжно, жизнь видит из окна кабинета... «Лубков с ожесточением рубил ладонью воздух, гремел так, что зудяще откликнулись оконные стекла.

— Не нужно!.. Не должно!.. Не допустим!..

Теперь я чувствовал всей кожей — Лубкову верят... Эти люди, которые, попыхивая дешевыми папиросами, слушают Лубкова, заняты севом, запасными частями для тракторов, семенами, надоями, нет времени думать о проблемах воспитания и религии. Сейчас за каких-нибудь полчаса — сорок минут они должны решить. За полчаса! В перерыве между разговорами о семенах и горячем. Разве можно их винить, что они не могут глубоко вдуматься, хватаются за решения, которые понятны с первого слова? А всегда ли простое решение правильно? Ой, нет! Но как доказать? Если б мне предоставили не один вечер, не какой-нибудь урезанный час, а дни и недели, все эти люди поверили бы мне, а не Лубкову...»

Но поверили Лубкову. И это кульминация сюжета.

Развязка фабулы предreshена поражением Махотина на бюро и его болезнью. Но конфликт не разрешен, сюжет застывает на кульминации и ждет продолжения. Лежа неподвижно в постели, Махотин каждое утро вглядывается в репродукцию: «На стене — другой мир. Ветер, рвущий облака, деревья, траву, пасмурная гладь воды, столетняя часовенка, заброшенный погост. Вся картина — неподвластное разуму движение, стихия, которую нельзя остановить, беспокойная вечность, для которой нет конца, нет смерти».

И когда Анатолий Матвеевич встречается после своего выздоровления, через несколько месяцев, с Тосей, Морщихиным и Лубковым, сюжетная развязка выражает незавершенность действия: ничто не решено, борьба впереди.

Тося вышла замуж, и место бога занял в ее сердце паренек с круглым лицом и губами бантиком. Загорелая, крепкая, она занята только собой, своим мужем и ни о чем не думает. «Думать не думает, не верит. Уж лучше бы верила да думала. Думающего можно убедить, доказать ему, а тут — не думает, не сомневается, не тревожится... Поздравьте мир с новым обывателем!»

Морщихин теперь не должен притворяться, он стал врагом, воином — придется бороться и с ним.

И Лубков — самодовольный, снисходительный, преуспевающий Лубков!

Как бы он обиделся и вознегодовал, Лубков, если бы ему сказали, что он и Морщихин — явления одного порядка! У Лубкова и Морщихина — разные убеждения, разная жизненная программа, но одно их объединяет: боязнь мысли, требование безотчетного подчинения, слепой веры. И это развращающе действует на тех людей, с которыми они сталкиваются, особенно на молодежь. Махотин не может не восстать против такой линии, — борьба еще предстоит.

* * *

В произведениях, которые мы до сих пор рассматривали, повествование ведется от первого лица — главного героя, который выступает и как рассказчик. В тех произведениях, где образ повествователя отделен от образа героя, возникают новые соотношения между фабулой и сюжетом, даже если повествователь как будто ничем не заявляет о себе.

Так обстоит дело в «Рассказе без героя» С. Антонова.